

**ЧЕРНЫЙ РЫНОК В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1930-е ГОДЫ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОПРОСА**

Одной из актуальных исторических проблем в современной науке является вопрос о специфике советской экономической модели. Трактовки данного вопроса в историографии часто диаметрально противоположны, хотя объединяющим моментом при анализе советской системы является мнение о доминировании государства в экономике.

Однако элементы частного сектора наличествовали в советской экономической системе, начиная с эпохи военного коммунизма через период НЭПа, когда власть официально дала место частному сектору, заканчивая теневым сектором экономики (в 70-е – 80-е годы XX в.)

В 30-е годы XX в. советская экономическая модель полностью запрещала наличие частного сектора, но несмотря на это некоторые элементы рыночной экономики пробивались сквозь плотный слой административно-командных методов руководства, контроля и подавления.

Политика вытеснения частного из экономической сферы с конца 20-х годов XX в. была вызвана потребностями сосредоточения всех экономических ресурсов в руках государства для нужд индустриализации под влиянием военного фактора, играющего для российской экономики и политики роль катализатора командно-административных методов.

Историю возникновения черного рынка в Советском государстве можно проследить с первых лет становления власти большевиков. Экстремальная военно-политическая ситуация 1918 - 1921 гг., породившая политику "военного коммунизма", автоматически ликвидировала частный сектор экономики. В условиях продовольственных кризисов и товарного дефицита население, пытаясь выжить, приобретало необходимые продукты и товары через спекулянтов, мешочников, а некоторые наиболее предприимчивые граждане сами становились организаторами или непосредственными участниками нелегального снабжения.

Черный рынок процветал в условиях перебоев в снабжении товарами населения и снижал обороты при предоставлении большей экономической свободы в годы НЭПа. Переход к НЭПу был во многом обусловлен выходом страны из экстремальной военно-политической ситуации. Кстати, переход к НЭПу замечательно демонстрирует примат экономики над политикой, ибо доктрина "красного марксизма" не предусматривала частного в экономике [1]. В период НЭПа было отмечено сокращение числа мешочников при одновременном увеличении объема перевозимых ими грузов. Это означало, что часть спекулянтов переводила свою торговую деятельность в легальную область [2].

При переходе к сталинской модернизации партия стала целенаправленно вытеснять частный сектор из экономики, что вновь привело в действие механизмы перетока предпринимателей в нелегальную деятельность, особенно в сельской торговле, в связи с высоким потребительским значением данного вида товаров. Спекулянты занимались скупкой в деревне сельскохозяйственной продукции и сырья. В одной из докладных записок ОГПУ о проведении массовых репрессий против спекулятивных элементов на хлебном рынке СССР в феврале 1928 г. отмечалось, что количество арестованных перекупщиков хлеба по отдельным районам страны было следующим: на Украине - 704 человека, в Сибири – 234, Татарской республике - 150, на Урале - 85, в Тамбовской губернии - 100 [3]. Эти сведения позволяют заключить, что наибольшее количество мешочников было арестовано в крупных хлебозаготовительных районах, которые географически тяготели к потребляющим районам. В 1929-1930 гг., по данным обследования 29 крупных экономических центров СССР, которое проводилось Управлением государственными доходами Наркомата финансов СССР, оказалось, что почти четверть вытесненных из торговли частных предпринимателей стали заниматься нелегальной деятельностью. Таким образом, обострившийся товарный дефицит в конце 1920-х годов в очередной раз способствовал возрождению черного рынка в стране.

Устойчивая тенденция превышения покупательного спроса населения над возможностью его товарного покрытия со стороны государства в условиях карточной системы способствовала тому, что нелегальная торговля являлась неотъемлемым элементом в условиях плановой экономики. Черный рынок давал возможность погасить покупательский спрос, при приоритетном перераспределении ресурсов государства в пользу индустриализации. Власть безуспешно пыталась бороться с ним административно-карательными мерами. Государство сделало уступки в области частного предпринимательства лишь по отношению к мелкому кустарному производству и личному подсобному хозяйству.

Мы рассматриваем черный рынок как всеобъемлющую систему искаженных экономических отношений, с неизбежностью возникающую как компенсация фундаментальных разрушений естественных экономических (рыночных) связей, но подчеркиваем: российская экономическая модель регулярно воспроизводила подобного рода деформации частного сектора экономики, что является имманентной чертой российской экономической модели.

* © О.Г. Алексеев, 2006.

В осуществленном виде теневая реальность – это не только "вторая экономика", или коррупция, но охватывающая все общество в целом, законченная институциональная система. Черный рынок товаров и услуг в СССР представлял собой лишь один из типов теневых рынков. К иным типам рынка относились рынки должностей и привилегий, административно-хозяйственных решений, бартера. Работа по типологизации теневых рынков ведется отечественными и зарубежными учеными, но еще далека от завершения. Границу между двумя любыми теневыми рынками провести можно лишь условно. При содержательном различии все теневые рынки в условиях социализма составляли единую операциональную систему, в основе которой лежал приоритет практического частного интереса над декларативным общественным [4].

По мнению Л.Т. Тимофеева, теневой порядок в СССР существовал как сложная полиинституциональная система частных правовых решений, которая неизбежно возникала за рамками юридических законов, регулирующих отношения собственности. "Подобного пренебрежения писаным законом... нет, подобного опровержения писаного закона, опровержения государственной власти – в истории человечества не бывало" [5]. Рассматривая проблему черного рынка под таким углом зрения, возникает необходимость дать ответ на ряд вопросов. В частности, можем ли мы утверждать факт наличия черного рынка как системного явления в Восточной Сибири в 1930-х годах и, что не менее важно, подтвердить доводы аргументами? Достаточно ли имеется оснований, наличной исторической фактуры для реконструкции модели реальной "теневой торговли" в указанном регионе в рассматриваемое время? Позволяют ли добытые факты по Восточной Сибири убедительно подтвердить выводы Е.А. Осокиной, что в государственной торговле выгодные должности продавались за взятку, торговые работники находились под покровительством руководителей советских, партийных и судебно-следственных органов, которые получали от "торгашей" взятки, дефицитные товары, а на черном рынке наибольшие возможности для обогащения получали те, кто имел доступ к дефицитным товарам и т.д. [6]. Кстати, данные фактологические явления вписываются в систему феодальных отношений под названием - распределительные отношения [7].

Перейдем к анализу историографических тенденций. Исследователь Л.Е. Мариненко в работе "Система снабжения населения восточно-сибирской деревни в 1929-1941 гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области)" впервые предприняла попытку описать эволюцию черного рынка в 1930-е годы в Восточной Сибири, используя приемы исторической критики и системного анализа [8], поэтому все источниковые пробелы и "белые пятна" историографии видны при анализе данной работы. Анализ текста указанной работы ставит под сомнение факт, что исследователю удалось достичь цели своего исследования, в связи с недостатками источниковой базы. Мы полагаем, что без использования документов ОГПУ/НКВД, органов юстиции – суда и прокуратуры – невозможен полноценный анализ теневых процессов, происходивших в торговой сфере в 1930-х годах, тем более системное освещение функционирования черного рынка как института. Блестящее подтверждение тому – исследования Е.А. Осокиной. Отсутствие подобного рода данных не позволяет, на наш взгляд, рассматривать главу диссертации Л.Е. Мариненко "Черный рынок как дополнительный источник снабжения сельского населения Восточной Сибири в конце 1929-го – 1941 гг." как завершенное исследование темы в рамках заявленного хронотопа. Автор, по нашему мнению, в недостаточной мере иллюстрирует фактами наличие института черного рынка как феномена Восточной Сибири, его отличные от иных регионов черты.

Использование термина "развитие" в заглавии (см. [9, гл. 3]) предполагает, что исследователь стремился показать динамические процессы, происходящие в отображаемом явлении. Так, Л.Е. Мариненко констатирует, что "количество правонарушений в сфере снабжения в годы первых пятилеток *стремительно росло*. Каждый обеспечивал себя как мог" [9]. Свое предположение о росте правонарушений (опосредованно связанных с черным рынком) исследователь подтверждает следующей цитатой из партийного документа: "... Уполномоченные, проводившие раскулачивание, зачастую имущество, конфискованное у кулаков, оставляли себе или *продавали* (курсив здесь и далее наш. - О.А.)... В деревне Хомутовой Канского округа один член коммуны взял себе подушку, другой одеяло, третий перину. В селе Бородино... при конфискации средств производства у кулаков были изъяты банки с вареньем, старые сапоги, занавески, несколько кусков мяса. Член коммуны Бастрикова взяла себе три половика и зеркало, а Пономарева ванну" [10]. Представляется маловероятным, что женщины, получившие в собственность зеркало и ванну, сделают их предметом спекулятивных сделок. Предположение, что в указанное время острейшего товарного дефицита старые сапоги, занавески и прочие вещи, обладающие низкой ликвидностью, обменивались на иное необходимо не только подтвердить конкретными примерами, но и выяснить масштабы происходящего, показать зависимость активизации несанкционированной властью торговли от факторов, породивших системный социально-экономический кризис в Восточно-Сибирском регионе.

Автор знаком со многими источниками, которые использованы в работе. В них содержится материал, относящийся к злоупотреблениям в торговле – растратам, хищениям, несанкционированным властью товарообменным операциям. На наш взгляд, доступные источники не позволяют воссоздать картину генезиса и функционирования черного рынка в городах Восточной Сибири в предвоенные пятилетки. При теневых сделках контракты обычно не подписывались. Участники их придерживались неписаных правил, действующих "по умолчанию". Свод правил, которые держал в сознании каждый участник теневой сделки, яв-

лялся своеобразным операциональным кодексом – для сделок, совершаемых за пределами юридического права.

На наш взгляд, своеобразной “летописью” функционирования черного рынка в Восточной Сибири, хотя и со многими оговорками, могла бы стать периодическая печать всех крупных и мелких городов, районных центров региона. Интегральное использование этого вида источников позволило бы, отчасти, восполнить отсутствие статистики, свидетельствующей о количественных параметрах интересующего нас феномена, определить, насколько типичным и повсеместным было распространение черного рынка в Восточной Сибири.

При исследовании черного рынка как крупномасштабной реальности 1930-х годов (если таковая вообще к тому времени сложилась в Восточной Сибири) необходимо располагать адекватной поставленной задаче источниковой базой. Во всяком случае, в исследовании должны быть представлены возможно широко и полно источники хотя бы одного вида.

Главной проблемой, затрудняющей раскрытие темы теневой торговли, является сложность, а в некоторых случаях и невозможность ознакомления с разными группами документов и материалов, способных содержательно дополнять друг друга. В архивных делопроизводственных материалах некоторые явления и процессы системы снабжения *полностью игнорировались* в отчетах. В их числе *масштабы и механизм функционирования черного рынка в Восточной Сибири*, продовольственные трудности в сельской местности, кризисы снабжения.

Обратимся к другой группе источников - статистическим. Подавляющее большинство статистических сборников было опубликовано в советский период, но там не нашли отражения такие процессы, как голод, *масштабы черного рынка*, кризисы снабжения. Мы считаем, что отсутствие статистических данных, пусть и противоречащих друг другу, чрезвычайно затрудняет определение основных тенденций развития черного рынка.

В число источников по данному вопросу можно включить публицистическую и художественную литературу [10]. Так, Л.М. Тимофееву принадлежит ряд публикаций, освещающих историю реализации коммунистической доктрины в России как историю специфических, но всепроникающих рыночных отношений. Следует сказать, что форму завершенной концепции идеи Л.М. Тимофеева обретают в его работе “Институциональная коррупция”, носящей научно-теоретический характер, а не в публицистическом исследовании “Черный рынок как политическая система”.

Повесть В.П. Астафьева “Последний поклон” воспроизводит колорит эпохи 1930-х годов на енисейском меридиане. В тексте художественного произведения встречаются описания того, как велась торговля в магазинах, лавках и пр. При недостатке информации, получаемой из архивных фондов, особый интерес вызывают личные воспоминания человека, пережившего голодные годы 30-х годов XX в. Вместе с тем блестящие зарисовки В.П. Астафьева о том, как снабжалось и самоснабжалось население енисейского края в 1930-е годы едва ли способны вскрыть причины возникновения и методы функционирования черного рынка.

Об истинном положении в снабжении населения могут свидетельствовать источники личного происхождения – письма и жалобы крестьян, отложившиеся в политических сводках ОГПУ. Последние в целостной системе источникового материала, начиная с документов партийно-государственного руководства, делопроизводства системы исполнительных органов, не только закрытых прежде на все замки, таких как ВЧК – ОГПУ – НКВД, но и доступных лишь частично – Наркомюст, Наркомфин и др., занимают особое место.

Опубликованные архивные материалы содержат сведения о масштабах спекуляции в Сибири. Среди них многотомное издание документов о коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачивании, подготовленное Институтом российской истории РАН, Бостон – колледжем (США) и университетом в Торонто (Канада). В работе над ним приняли участие основные архивные учреждения – РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ, ЦА ФСБ и РГВА. Кроме того, назван сборник документов “Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939 гг.”, второй том которого вобрал в себя материалы ЦА ФСБ и РГАЭ, а также другие издания. Указанные фундаментальные научно-исследовательские проекты содержат недостаток - данные о системе снабжения сельского населения Восточной Сибири занимают очень незначительное место. Таким образом, наиболее ценные сведения о черном рынке можно почерпнуть из материалов периодической печати и партийных архивов Красноярского края и Иркутской области.

Необходимо сравнить круг источников, освещающих теневой рынок товаров и услуг в СССР, используемых Л.Е. Мариненко и Е.А. Осокиной. Последняя использует в работе над данной темой иные документы и литературу. Среди них исследования зарубежных историков, документы и материалы ЦА ФСБ, изданные за границей России мемуары, сведения из дел, включенных в литерные описи фонда Совета Народных Комиссаров СССР, постановления Совнаркома СССР и т.д. Однако и здесь нет никакой информации о “подпольных миллионерах социалистической торговли” за пределами Москвы, Ленинграда и ряда крупнейших городов, которые не имеют отношения к объекту и предмету нашего исследования, равно как и труда Л.Е. Мариненко.

В условиях товарного дефицита начала 30-х годов XX в. уровень реального потребления населения во многом определяли цены на черном рынке. “Размах теневой финансовой системы тщательно скрывался в

советское время. Цифровых данных не было ни в открытой печати, ни в научных разработках... Между тем... Механизм ценообразования в конечном счете определяет направление и динамику развития любой экономической системы” [11]. Л.Е. Мариненко приводит данные о стоимости промышленных товаров и продуктов, проходящих через нелегальную торговлю. Вместе с тем цены нелегальной торговли можно характеризовать лишь в сравнении с четырьмя основными нормами цен, существовавшими в то время в легальной торговле в СССР в целом и в Сибири в частности – “нормальной”, городской розничной, сельской розничной; коммерческой и ценами колхозного рынка. В диссертации “Система снабжения населения восточносибирской деревни...” подобное сравнение проведено некорректно. Литература по данному вопросу уверенно причисляет коммерческую торговлю к *государственной*, к сфере планового централизованного распределения товаров и назначения цен. В *легальной* торговле цены коммерческих магазинов действительно относились к числу наиболее высоких в стране. Однако существовала спекуляция коммерческими товарами и перекачка их на рынок, где цены на эти товары вырастали, порой, в разы. Возможность перепродаж была обусловлена в какой-то мере тем, что *государство устанавливало* несколько типов коммерческих цен. Коммерческая торговля, как и все иные виды открытой торговли, могла быть аренной махинацией, но всегда оставалась государственным учреждением, доход от работы которой поступал в госбюджет.

Л.Е. Мариненко формально, в пространстве одного абзаца, связывает черный рынок с колхозным. Несмотря на санкционированную государством деятельность последнего его союз с теневым рынком представляется нам органичным, выступающим как выражение диалектической связи формы и содержания. Строго говоря, только базарная колхозная торговля являлась рыночной и служила местом для транзакционной деятельности, в том числе и без государственного регламентирования.

Таким образом, в настоящий момент задачей исследователей продолжает оставаться сбор информации о черном рынке в Восточной Сибири. Процесс этот находится на стартовой позиции и заполнение лакун займет, очевидно, значительный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под "красным марксизмом" мы понимаем переработанную большевиками на российский лад, приспособленную к национальной почве доктрину К. Маркса. Об этом много писал Н. Бердяев в знаменитом произведении "Смысл и истоки русского коммунизма".
2. Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к НЭПу. 1921-1924 гг. / В.П. Дмитренко. – М., 1971. – С.13.
3. Советская деревня глазами ВЧК- ОГПУ-НКВД. 1918-1939 гг.: Документы и материалы: в 4 т. Т.2. - М., 2000. - С.682.
4. Тимофеев Л.Т. Черный рынок как политическая система / Л.Т. Тимофеев. – Вильнюс-М. (VIMO), 1993. – С. 126-129; См. также: Кордонский С. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка / С. Кордонский // Иное: сборник. – М., 1995. – Т. 1; Grossman G. “The Shadow Economy” in the Socialist Sector of the USSR // The CMEA Five Years Plans (1981 – 1985) in a New Perspective Brussels: NATO, 1983; Katsenelenboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies, 1977 – 29/1162 – 85.
5. Тимофеев Л.Т. Указ. соч. – С. 51, 62.
6. Осокина Е.А. За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 / Е.А. Осокина. – М., 1997. – С. 224.
7. Данные аспекты находятся за рамками нашего исследования, выходя на уровень философии истории.
8. Мариненко Л.Е. Система снабжения населения восточно-сибирской деревни в 1929-1941 гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): дис. ... канд. ист. наук / Л.Е. Мариненко. - Красноярск, 2003. - С. 160.
9. Там же. - С. 161.
10. Тимофеев Л.М. Указ. соч; Астафьев В.П. Последний поклон / Л.М. Тимофеев. – М., 1985.
11. Тимофеев Л. Указ. соч. - С. 145-146.